

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Особенности употребления выражения "я знаю": Витгенштейн против Мура.

Чугайнова Юлия Игоревна

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский факультет, Москва, Россия

E-mail: julia.chugainova@yandex.ru

Трактат Людвиг Витгенштейна «О достоверности», по сути, написан в ответ на статью Джорджа Мура «Доказательство внешнего мира». Основной интенцией статьи Мура была защита реализма от нападков скептицизма, базирующаяся на обнаружении того, по поводу чего мы можем сказать «я знаю, что...».

В «О достоверности» Витгенштейн разрабатывает новый подход к аргументам Мура. Его подход заключается в том, чтобы показать разнообразие контекстов, в которых мы употребляем выражение «я знаю». Видимо, одной из его задач было напоминать, в каких ситуациях, языковых играх может выступать выражение, потому как количество потенциальных употреблений (а это значит и значений) настолько обширно, что мы, упуская их из виду, приходим к неправильной трактовке того, что считать знанием.

Текстологически можно выделить 3 аспекта, в которых Витгенштейн говорит о выражении "я знаю": 1) с точки зрения функции высказывания, т.е. является оно грамматическим или эмпирическим; 2) объяснение нюансов значения выражения посредством его замены на синонимичные высказывания; 3) осмысленность высказываний, имеющих форму "я знаю, что ..." в зависимости от конкретной языковой игры.

Как следует трактовать выражение "я знаю"? Как эмпирическое или как грамматическое суждение? И какие следствия мы получим из этого?

В пунктах 57-59 Витгенштейн разбирает пример толкования предложения "Я знаю, а не просто догадываюсь, что это моя рука" как грамматического предложения. Судя по всему, Витгенштейна не устраивает такое толкование. Стоит отметить, что для Витгенштейна характерной чертой грамматических предложений является то, что мы не можем помыслить противоположное им высказывание. Действительно, если человек, демонстрируя свою руку, скажет: "я не знаю, что это моя рука" то мы не воспримем его всерьез. Грамматические предложения выражают то, что определено структурой языка. И поэтому "если "я знаю и т.д." рассматривается как грамматическое предложение, то, конечно же, "я" не может быть весомым" (§58). То, что есть в таком предложении, это то, что показывает сам язык. В этом смысле данное выражение является "логическим усмотрением" (§59). Мур, приводя свои аргументы в статье "Доказательства внешнего мира" пытался дать обоснование реализму. Витгенштейн пытался решить эту же задачу Мура, разрабатывая такой подход, чтобы избежать идеалистических и скептических контраргументов. Если «Я знаю» трактовать как логическое усмотрение, то таким образом нельзя обосновать реализм. В том случае, когда основанием знания являются только грамматические предложения, представляющие собой фиксацию того, что задано только языком, мы отклоняемся к идеалистической позиции. Важно, как можно выразить знание, получаемое в процессе познавательной деятельности - это то, каким способом мы можем фиксировать картину мира, и это не грамматические суждения.

Тут можно вспомнить иллюстрацию с руслом реки и самим течением. То, что направляет течение мысли, ход исследования, описанного эмпирическими предложениями, само, по сути, есть четко фиксированное, конституированное, в результате предшествовавших исследований, эмпирическое предложение. Обращаясь к грамматическим предложениям, невозможно доказать существование внешнего мира, так как в таком случае анализ осуществляется только в лингвистическом пространстве без обращения к опыту, являющегося результатом взаимодействия с действительностью.

Выражение получает свое значение в рамках конкретной языковой игры. В некоторой языковой игре предложение может оказаться бессмысленным, но его можно сделать осмысленным, расширив данную языковую игру или придумав новую языковую игру. Здесь Витгенштейн опять же не задает жестких ограничений в духе того, что существуют языковые выражения, которым невозможно приписать значения ни в одной из языковых игр. Поэтому нельзя откинуть некоторое предложение как бессмысленное в любое время и в любом контексте.

Мы обратимся к нескольким видам языковых игр с различным употреблением выражения «я знаю», рассматриваемых Витгенштейном: 1) нефилософское употребление (по большей части обыденное); 2) философское употребление. Обыденное употребление ярко контрастирует с философским употреблением выражений, в котором выражения с отсутствующим смыслом получают там смысл.

Рассматривая различные способы употребления выражения «Я знаю», Витгенштейн приводит варианты замены этого выражения на синонимичные. Таким способом Витгенштейн демонстрирует, в каких играх может быть использовано выражение «Я знаю», т.к. в случае работ Мура "В защиту здравого смысла" и "Доказательство внешнего мира" проблема заключается в том, что Мур не проводит различия между языковыми играми, в которых употребляется выражение. Контекст языковой игры задает основания для возможности и корректности употребления языкового выражения «Я знаю». §18. "Я знаю это" часто означает: у меня есть бесспорные основания для моего высказывания - и в каждой языковой игре природа оснований будет различна.

Н.Малкольм в своей статье "Мур и обыденный язык" приводит подборку оппозиций, состоящих из философских высказываний и контраргументов, которые дает на них Мур, тем самым исследуя "общий характер обычного для него <Мура> метода доказательства".

В качестве примера обратимся к следующим утверждениям:

Философ: "Вы не имеете достоверного знания об истинности высказывания о материальных предметах".

Мур: "Мы оба достоверно знаем, что в этой комнате стоит несколько стульев, и полагать, будто мы не знаем, но убеждены в этом, и что вообще это не так,- полный абсурд".

Витгенштейн показывает, что ответ Мура не решает проблемы вынесения истинных суждений по поводу материальных предметов, путем замены «Я знаю» на выражение "я вижу". В §90 Витгенштейн пишет ««Я знаю» по своему первому и простейшему значению сходно с "я вижу". Выражение "я знаю, что в комнате стоит стул" по своей грамматике сходно с выражением "я вижу, что в комнате стоит стул". Данное высказывание выражает отношение между мной и фактом, это в некотором роде является регистрацией того, что факт "в комнате стоит стул" воспринят моим сознанием. Вит-

генштейн указывает на то, что это является причиной развития представления о том, что знание есть всегда только наше знание о сфере чувственных данных, но не о внешнем мире.

«Я знаю», употребленное в качестве «я вижу», устанавливает отношение между мной и фактом. В том случае, когда «Я знаю» выражает отношение между мной и суждением, оно выступает в смысле «я верю». В §§179-180 следующим образом говорится о выражении «я верю»: §179. <...> «Я верю» наделено субъективной истинностью; но «Я знаю» - нет. §180. Или так: «Я верю...» есть некое «выражение», а «Я знаю» - нет. Витгенштейну необходимо показать именно специализированное употребление выражения «я знаю», т.е. такое его применение, которое протоколировало объективное знание, лишённое чего-то личного. При этом оно не должно быть интерпретировано как "выражение в том смысле, что высказывание есть выражение некоторого ментального состояния. Витгенштейн пытался преодолеть барьер между наличием у нас некоторого ментального состояния и его языковым выражением. «"Выражение чувства подобно чувству«...», - а если бы они были не просто похожи, а одним и тем же» . Обращение к внутренним переживаниям не дадут нам сведений об отличии между понятиями "знание" и "вера потому как «возможно было бы говорить о душевном состоянии убежденности, а оно само может быть одним и тем же и для знания, и для ложной веры» . Можно прийти к заблуждению, что значение слова можно извлекать из состояний говорящего, тогда как согласно концепции языковых игр нужно обращать внимание на практику употребления.

Иной пример замены выражения «Я знаю»: «§272. Я знаю = Это известно мне как несомненное» . Под "объективно несомненным" Витгенштейн имеет в виду класс эмпирических предложений типа: "человек смертен" "отрубленная голова не вырастет снова" и т.д. Основанием и источником такого знания является не мой личный опыт, но прошлый опыт других людей. Такие предложения представляют собой систему, которую "человек усваивает благодаря наблюдению и обучению" (§279).

Собственно проблема с аргументами Мура заключается в том, что "Истины о коих говорит Мур, что он их знает, таковы, что если он их знает, то и мы их знаем". Такие истины бесспорны, и они в определенном смысле не вызывают сомнений и не являются поводом для дискуссий ни в обыденном словоупотреблении, ни в философском. Это просто то, что усваивается нами в обществе. Кроме того, стоит привести еще один пассаж из трактата "О достоверности" по поводу того, что принимают все:

«298. Если мы вполне уверены в чем-то, это означает, что в этом уверен каждый порознь, но и то, что мы принадлежим к сообществу объединенному наукой и воспитанием» .

Такая интенция Витгенштейна развивалась в рассуждения о знаниевом обществе. Если комментировать приведенный выше отрывок из "О достоверности" то можно сказать, что знаниевый компонент общества во многом определен культурным, историческим и социальным контекстами. Каждое общество на всяком этапе своего развития считало несомненными определенные постулаты и высказывания, которые являлись дескрипцией их картины мира. В этом смысле совокупность таких предложений составляла знание, основываясь на котором существовало некоторое сообщество. В таком случае, на наш взгляд, компонент "знания" в обществе является одной из характеристик культуры некоторого общества. Не случайно в связи с этим Витгенштейн не гово-

рит о таком знании в терминах истинностной оценки, так как при употреблении слова "знание" как того, что описывает культурный контекст, мы не можем приписывать ему значение "истина" или "ложь". Возможность рассмотрения данного аспекта рассуждений Витгенштейна, не означает, что он составлял основное содержание работы "О достоверности".

В завершение реконструкции ходов Витгенштейна по замене выражения «Я знаю» на синонимичные высказывания приведем рассуждения из §564. «<...> если есть какие-то способы констатировать наверняка, скажем пересчитать, взвесить, измерить кладку и т.д., то утверждение «Я знаю» может заменить сообщение о том, как знают» .

Таким образом, мы можем в определенных случаях говорить о знании, получаемом в результате проведения такой процедуры, которая дает точные данные, по сути, это количественное измерение, счет. Сообщение о том, как знают, содержит в себе методологические положения, способы измерения. В языковой игре "определение длины плиты" основанием для знания служат методы и инструменты измерения, которые доступны участникам такой языковой игры, не вызывают сомнений и являются условием их конструктивного взаимодействия.

В §11 Витгенштейн пишет: «Нам неясно как раз то, насколько специализированно употребление слов «Я знаю»». И это связано с тем, что это выражение может участвовать в огромном количестве языковых игр. Приводя примеры синонимичных лингвистических выражений, Витгенштейн обособляет собственное значение выражения "я знаю связанное с константацией знания, отталкиваясь от чего, мы можем прояснить понятие достоверности. Описание разнообразия употребления выражения «Я знаю» в обыденной речи, необходимо для того, чтобы не приносить значения, фиксируемые там, в философском словоупотреблении. То, что имеет смысл в философии, оказывается бессмысленным в обыденной речи, где руководствуются здравым смыслом. В §406 Витгенштейн пишет: «То, к чему я привлекаю внимание, коренится еще и в различии между случайной константацией "Я знаю, что это является..." и этим же высказыванием, когда его делает философ». По воспоминаниям Малкольма Витгенштейн хотел написать трактат, состоящий из шуток. Наверное, он имел в виду, что то, что в философии является предметом дискуссий, в обыденной жизни может быть бессмысленным или создавать комический эффект. Например, если посторонний человек услышит спор двух философов о дереве, стоящем перед ними, он сочтет это нелепым и смешным.

Литература

1. Витгенштейн Л., Заметки о философии психологии // Логос, 1994, №6, с. 217-230.
2. Витгенштейн Л., О достоверности // Философские работы. Ч.1., М., 1994.
3. Малкольм Н., Мур и обыденный язык // Аналитическая философия, М., 1993.
4. Мур Дж., Доказательство внешнего мира // Аналитическая философия, М., 1993.